# Записки барона Веліо.

Записки барона Іосифа Іосифовича Веліо, написанныя имъ на французскомъ языкѣ лѣвой рукой, въ бытность его комендантомъ Царскаго Села въ 1862 году и переведенныя его дочерью Эрминіей Іосифовной Лишиной, доставлены въ редакцію, которая предполагаетъ напечатать извлеченія изъ этихъ записокъ. Въ 1821 году баронъ Веліо, будучи офицеромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, былъ командированъ въ Португалію. *Ред.*

Съ 1821 года Цинтра сдѣлалась резиденціею Португальскаго двора и придворныхъ лицъ.

Еще нѣсколько дней я провелъ Лиссабонѣ у г. Мендаза Эскарлотта, затѣмъ, узнавъ отъ нашего уполномоченнаго г. Бореля, что депеши для меня готовы для доставленія въ Лондонъ, я выѣхалъ изъ Лиссабона 17 февраля 1821 г. на томъ же кораблѣ, на которомъ пріѣхалъ. Въ это плаваніе погода благопріятствовала намъ, и мы прибыли въ Фалмутъ 26 февраля.

Въ дилижансѣ King'o Mail я доѣхалъ до Лондона, куда прибылъ 1 марта въ 6 час. утра. Мое пребываніе въ Лондонѣ продлилось до 6 апрѣля, тогда я выѣхалъ въ Парижъ.

Я такъ долго остался въ Лондонѣ, благодаря любезному вниманію ко мнѣ нашего посланника князя Ливена. Онъ посовѣтовалъ мнѣ воспользоваться случаемъ ближе ознакомиться съ Лондономъ, тѣмъ болѣе, что ему достовѣрно было извѣстно, что походъ нашихъ войскъ въ Италію на помощь австрійцамъ не состоится.

8 апрѣля, я прибылъ въ Парижъ и былъ принятъ такъ же любезно, какъ и въ первый разъ нашимъ посланникомъ Поццо-ди-Борго. Но такъ какъ я торопился домой, онъ меня не

задерживалъ и вручилъ мнѣ очень важныя депеши въ Лайбахъ, куда я прибылъ 18 апрѣля. Путь этотъ представляетъ много опасностей для курьера при быстротѣ ѣзды, ибо приходится перебираться черезъ Альпы; особенно опасенъ перегонъ изъ Унтертауера въ Радштатъ. Благодаря Бога, я доѣхалъ благополучно и тотчасъ вручилъ свои бумаги графу Нессельроде, который остался очень доволенъ моей исполнительностью. Мнѣ отвели хорошую квартиру, гдѣ я могъ, наконецъ, отдохнуть; быстрая ѣзда курьеромъ утомила меня, а главная бѣда была въ томъ, что я ужасно страдалъ гемороемъ и только благодаря лѣченію доктора Вейли и его ассистента Тарасова, которымъ меня поручилъ самъ Государь Александръ I, я настолько поправился, что могъ представиться Его Величеству. Въ этотъ день дежурилъ генералъ-адъютантъ Уваровъ и доложилъ обо мнѣ Государю.

Милостивое и благосклонное обращеніе Государя было всѣмъ извѣстно, но что онъ удостоилъ меня, молодого офицера, такого ласковаго пріема, привело меня въ умиленіе и никогда мною не забудется. Его Величество освѣдомился о моемъ здоровьи, посовѣтовалъ мнѣ лѣчиться и развлекаться, чтобы внолнѣ отдохнуть съ дороги. Потомъ Государь подробно разспросилъ меня обо всемъ, что я видѣлъ, особенно въ Англіи, и я разсказалъ ему о той поразившей меня массѣ оружія, которую тамъ видѣлъ, и что въ одномъ Тауерѣ сложено оружія на 500 тыс. чел. Тутъ, я позволилъ себѣ высказать предположеніе, что несмотря на мирныя сношенія наши съ Англіею, мы не слишкомъ-то можемъ имъ довѣряться. На это Государь сказалъ мнѣ, что я правъ и что мы хорошо знаемъ имъ цѣну. Послѣ этого Его Величество удостоилъ меня разспросами о моемъ пребываніи въ Португаліи. Здѣсь у мѣста объяснить, что когда я собирался въ Португалію, Его Величество сдѣлалъ распоряженіе, чтобы меня отправили сначала въ Лондонъ, ибо въ Петербургѣ уже было извѣстно, что въ Испаніи вспыхнуло возстаніе и что тамъ уже провозгласили конституцію. Когда я выѣхалъ изъ Варшавы, я встрѣтился съ графомъ Валентиномъ Строгановымъ, ѣхавшимъ курьеромъ изъ Мадрида и везшимъ извѣстіе, что и въ Португаліи неспокойно. Если бы это извѣстіе поспѣло до моего отъѣзда, вѣроятно, меня бы не отпустили туда.

Послѣ довольно продолжительной аудіенціи Государь добавилъ:

— Я надѣюсь, что несмотря на все, что ты тамъ видѣлъ,

ты вернулся съ тѣми же чувствами вѣрноподданнаго, котораго я въ тебѣ привыкъ видѣть.

На это я отвѣтилъ:

— Государь, Вы осыпали меня и мою семью такими милостями, что мои вѣрноподданническія чувства и безграничная преданность Вашему Величеству неизмѣнны и безпредѣльны.

Государь похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— Будь покоенъ, я знаю все твое поведеніе тамъ, и я вполнѣ тобой доволенъ.

Послѣ этихъ словъ онъ милостиво отпустилъ меня, и я былъ такъ тронутъ его благосклонностью, что готовъ былъ припасть къ его стопамъ.

Я остался въ Лайбахѣ около 4-хъ недѣль; мнѣ было очень весело—каждый день былъ маршальскій столъ въ покояхъ Государя, и наше общество часто предпринимало поѣздки по окрестностямъ — между прочимъ, цѣлое общество отправилось однажды по Тріестской дорогѣ въ гротъ Адлерсберъ, въ томъ числѣ и я.

Тутъ были: князь Петръ Волхонскій, графъ Нессельроде, генералъ Шубертъ, гг. Бруновы, г. Камиль Либенскій и друг. Такъ какъ насъ ожидали, то австрійцы распорядились иллюминовать гротъ и поставить тамъ хоръ музыкантовъ. Это было великолѣпное зрѣлище: громадные своды изъ сталактита, рѣка, протекающая подъ этими сводами и образующая мѣстами озера— все это описано во многихъ сочиненіяхъ и путевыхъ запискахъ. Намъ былъ поданъ прекрасный завтракъ, которымъ угостилъ насъ князь Волхонскій, а къ обѣду мы вернулись въ Лайбахъ. Пасху мы праздновали въ Лайбахѣ, церковная служба происходила въ Государевой походной церкви, и такъ какъ мѣстное населеніе состояло изъ кроатовъ, исповѣдующихъ православіе, они наполняли церковь и по своему обычаю молились громко — это жужжаніе, однако, не мѣшало молиться Государю.

Въ концѣ мая графъ Нессельроде отправилъ меня курьеромъ въ Петербургъ. Когда я откланивался Его Величеству, онъ былъ такъ благосклонно добръ сказать мнѣ, что въ виду того, что политическія дѣла устраиваются и склоняются къ миру, наши войска скоро получатъ распоряженіе возвратиться въ Россію, и потому я могу оставаться въ Петербургѣ, „но“, добавилъ Государь, „если бы война снова предстояла намъ, я бы вытребовалъ тебя въ полкъ“.

Его Величество поручилъ мнѣ лично письма къ обѣимъ

Императрицамъ и вручилъ мнѣ письмо къ моей матери, въ которомъ онъ милостиво меня хвалитъ. Письмо это я берегу какъ святыню и желаю, чтобы оно послѣ моей смерти перешло къ моему старшему сыну [1]).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я передалъ свои депеши въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и на другой день отправился въ Царское Село, чтобы передать письмо Государя Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Ея Императорское Величество соблаговолила принять меня въ саду подъ колоннадой и, милостивый пріемъ ея не изгладится изъ моей памяти.

Затѣмъ, я отправился въ Павловскъ для передачи письма Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Ея Величество удостоила меня также милостивымъ пріемомъ и много разспрашивала о своемъ Августѣйшемъ сынѣ.

Надо замѣтить, что рѣдко можно встрѣтить коронованную семью, столь милостиво и благосклонно относящуюся къ молодымъ офицерамъ, которые по своему служебному положенію имѣютъ счастье и случай быть лично извѣстными царствующему дому. На обязанности этой молодежи лежитъ священный долгъ заслужить столь милостивое вниманіе, но изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что Государь Александръ Павловичъ имѣлъ случай видѣть много неблагодарности и зла.

Передъ аудіенціею Государыни, я зашелъ на нѣсколько минутъ къ моей матери, которая жила въ своемъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, и засталъ ее и сестеръ моихъ въ добромъ здравіи. Возобновилась моя служба въ 7-мъ эскадронѣ конной гвардіи. Вдругъ получился приказъ, чтобы половина 7-го эскадрона конной гвардіи и половина 7-го эскадрона кавалергардовъ выступили въ Павловскъ для занятія карауловъ во дворцѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Благодаря добротѣ Императрицы-Матери, мы прекрасно проводили время въ Павловскѣ; почти каждый вечеръ мы были приглашаемы во дворецъ, гдѣ танцовали, играли въ *petits jeux*, не стѣсняясь присутствіемъ Императрицы. Она была весьма милостива къ молодежи, любила видѣть вокругъ себя веселое оживленіе, и не разъ я слышалъ ея веселый смѣхъ. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна сіяла своей красотой и танцовала съ необыкновенной граціозностью. Ея стройный станъ приводилъ всѣхъ въ восхищеніе. Она словно скользила по паркету — всѣ любовались ею.

---

[1]) Примѣчаніе переводчика. — Сохранилось ли это письмо въ семьѣ Велію, мнѣ не извѣстно.

Когда Императрица-мать переѣхала въ Гатчину, мы послѣдовали за нею и тамъ въ арсеналѣ наши веселые вечера продолжались. Великіе князья Михаилъ Павловичъ и Николай Павловичъ вернулись изъ арміи и поселились у своей августѣйшей матери, и насъ, молодыхъ офицеровъ, удостаивали приглашать на охоты въ Гатчинскомъ паркѣ и въ окрестностяхъ Гатчины. Въ концѣ октября дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, а мнѣ, какъ старшему офицеру въ эскадронѣ послѣ Жадовскаго, который командовалъ всѣмъ нашимъ отрядомъ, предстояло привести своихъ кирасиръ обратно въ Петербургъ. Несмотря на грязь и ненастье, мы дошли къ ночи въ Кузьмино, а оттуда, выступивъ рано утромъ, пришли въ казармы часа въ 4 дня къ удивленію моихъ товарищей, которые не хотѣли вѣрить, что тяжелые кирасиры могутъ быть хорошими пѣхотинцами.

Часть нашихъ офицеровъ уѣхала въ отпускъ и насъ осталось въ эскадронѣ только пять, а такъ какъ приходилось занимать караулъ въ Зимнемъ дворцѣ у Имп. Маріи Ѳеодоровны и изъ числа пяти нерѣдко одинъ офицеръ былъ боленъ, то намъ приходилось дежурить на четвертый и даже на третій день. Наша кирасирская форма съ ея лосинами, ботфортами, очень мучительна; мы къ вечеру часто изнемогали и рады были вздохнуть свободно въ *трубной*, гдѣ солдаты обѣдали и воздухъ былъ далеко не удовлетворительный, но все же можно было нѣсколько отдохнуть. Часто потомъ я подсмѣивался надъ молодыми кирасирами, которые жаловались на тяжесть службы, когда очередь ихъ наступала только разъ въ мѣсяцъ. Государь Александръ I, проходя мимо караульной комнаты по пути къ аппартаментамъ августѣйшей матери, всегда останавливался и милостиво разговаривалъ со мной, освѣдомляясь о здоровьи моей матери и сестеръ и поручая передать имъ свои привѣтствія.

Это милостивое вниманіе все больше привязывало меня къ моему августѣйшему покровителю, и я мечталъ о томъ, чтобы представился случай доказать ему мою преданность. Александръ I любилъ ходить пѣшкомъ, и любимая его прогулка была вдоль набережной и по Фонтанкѣ. Конечно, петербургская публика и особенно дамы высшаго общества избрали цѣлью своихъ прогулокъ эти мѣста, въ надеждѣ встрѣтить Государя, обожаемаго всѣми сословіями.

Военные также старались попадаться на глаза Государя. Я хотя и очень занятъ былъ выѣздкою молодыхъ лошадей эскадрона, тоже прогуливался по набережной, чтобы встрѣчать моего

кумира и слышать отъ него нѣсколько милостивыхъ словъ, что мнѣ и удавалось довольно часто. Въ одну изъ такихъ встрѣчъ въ 1823 году между Синимъ и Краснымъ мостомъ по набережной Мойки противъ дома военнаго губернатора, Государь меня остановилъ и произнесъ слѣдующія слова, которыя я никогда не забуду.

— „Ну, что, мой вѣчный ротмистръ, когда же я увижу тебя передъ фронтомъ?“ (я командовалъ 7-мъ эскадрономъ, т.-е. резервнымъ и потому мнѣ на парадахъ быть не полагалось, а наименованіе вѣчнаго ротмистра вѣроятно относилось къ тому, что мои товарищи были уже полковниками).

Я отвѣтилъ Государю, что командую резервнымъ эскадрономъ.

— „Знаю“, сказалъ Государь, но пора тебѣ быть во фронтѣ.

На это я осмѣлился сказать Государю, что у меня было намѣреніе проситься въ армію.

Государь съ удивленіемъ выслушалъ меня и спросилъ, какая тому можетъ быть причина?

— Ваше Величество, сказалъ я—я имѣлъ несчастье въ короткое время потерять двухъ прекрасныхъ лошадей, а теперь предполагаютъ измѣнить цвѣтъ лошадей и у меня средствъ нѣтъ обзавестись лошадьми, а я бы не желалъ обременять мать такимъ расходомъ.

Государь на это милостиво похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— „Это не причина переходить въ армію“.

Затѣмъ онъ милостиво поклонился мнѣ и продолжалъ свою прогулку.

Я вернулся домой удрученный и тревожный, боясь, не прогнѣвалъ ли я своего благодѣтеля своимъ заявленіемъ и не нарушилъ ли я дисциплину такимъ смѣлымъ разговоромъ съ монархомъ, котораго я боготворилъ.

Каково было мое удивленіе, когда на другой день я получилъ отъ имени Государя 10,000 р. ассигнаціями на покупку лошадей.—Болѣе 35 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и теперь, когда я пишу эти строки, воспоминаніе объ этой, ничѣмъ незаслужной милости, глубоко трогаетъ меня! Получивъ эти деньги, я тотчасъ навелъ справки о лошадяхъ, которыя продавались; осмотрѣвъ нѣсколько, выборъ мой палъ на лошадь кавалергардскаго полковника Башмакова, и я пріобрѣлъ ее за 7,000 р. ассигнаціями, это была рослая и красивая кобыла англійской крови и прекрасно выѣзженая. Остатокъ денегъ пошелъ на уплату

моихъ долговъ, и я повеселѣлъ и подбодрился духомъ, видя, что все, что мнѣ нужно, теперь у меня есть.

Чтобы доказать Государю, что его щедроты мною высоко цѣнятся, я просилъ командира полка назначать меня на парады и смотры; что онъ и исполнилъ, и я со своей прекрасной лошадью обыкновенно находился въ замыкающемъ строю.

Годы 1823 и 1824 ничего особенно замѣчательнаго не принесли съ собой для меня лично. Только наводненіе Петербурга въ концѣ 1824 заслуживаетъ того, чтобы о немъ здѣсь упомянуть. Въ этотъ день, а именно 8 ноября 1824 года, я былъ дежурнымъ по полку. Утромъ между 8 и 9 ч. мнѣ доложили, что вода показалась на дворѣ казармы около караульнаго помѣщенія. Я тотчасъ туда пошелъ и приказалъ перенести полковой ящикъ на одну изъ галлерей казармъ и снялъ всѣ посты—изъ коихъ двое около цейхгауза уже стояли въ водѣ выше щиколодки—цейхгаузъ этотъ былъ рядомъ съ морской казармой, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ церковь полка. Распорядившись такимъ образомъ, я велѣлъ запречь дрожки, чтобы ѣхать въ Зимній дворецъ съ докладомъ къ графу Орлову, предполагая, что найду его тамъ, и чтобы получить отъ него приказаніе относительно полковыхъ лошадей. Графа Орлова я однако не нашелъ въ дворцѣ, но встрѣтилъ коменданта генерала Башуцкаго, который совѣтовалъ мнѣ не теряя времени возвратиться въ казармы, ибо, говорилъ онъ, скоро нельзя вамъ уже будетъ туда добраться.

Вода поднималась такъ быстро, что когда я сѣлъ въ дрожки, то уже сидѣлъ въ водѣ, и мои добрыя маленькія шведки съ большимъ трудомъ добрались до моего подъѣзда. Пока мы ѣхали или почти плыли отъ дворца до казармъ, буря унесла шляпу моего кучера—и мы были оба рады, что такъ дешево отдѣлались.

Я приказалъ отвести моихъ лошадей въ манежъ—доступъ къ двору казармъ былъ уже мнѣ невозможенъ, и я не могъ добраться до графа Орлова, который успѣлъ вернуться въ это время въ казармы и отдалъ приказъ всѣхъ лошадей вывести въ манежъ, *хотя бы вплавь*, какъ табунъ!

Полъ въ конюшняхъ въ нѣкоторыхъ стойлахъ поднялся отъ напора воды, и нѣсколько лошадей запутались въ недоуздкахъ, нѣкоторыя попали ногами въ щели досокъ и не могли быть спасены.

Полковникъ Егоръ Мейндорфъ, командиръ I эскадрона, жилъ надо мной и сошелъ ко мнѣ, чтобы посовѣтоваться, и мы вмѣстѣ

пошли въ помѣщеніе трубачей, окна котораго находились противъ воротъ манежа. Было уже около 12, а люди еще не обѣдали—мы догадались снять доски съ двухъ столовъ, связать ихъ въ видѣ плота и спустить этотъ плотъ изъ окошка, а на немъ помѣстили щи, кашу, хлѣбъ и переправили этотъ плавучій столъ въ манежъ, гдѣ измокшіе и прозябшіе люди были ему очень рады. Но вскорѣ отъ массы лошадей въ манежѣ накопился такой паръ, что пришлось разбить окна, и послѣ холодной ванны солдаты приняли паровую ванну. Можетъ быть это было причиной, что больныхъ у насъ не было послѣ всего этого. Прочіе эскадроны тоже воспользовались нашимъ плотомъ, такъ что всѣ люди полка были накормлены. Около 3-хъ часовъ вода стала убывать—мы въ этомъ убѣдились изъ нашихъ оконъ, видя, что фонарные столбы на бульварѣ показали свои верхушки. Они были совсѣмъ покрыты водой, и появленіе верхушекъ насъ очень обрадовало—вода однако въ манежъ не проникла, хотя подходила къ низу воротъ.

Какъ только я увидѣлъ возможность пробраться ко двору казармъ, я велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь трубача и поѣхалъ къ графу Орлову.

Графъ разспросилъ меня о состояніи лошадей, о числѣ погибшихъ, которыхъ было всего около 80.

— Вамъ надо рапортовать обо всемъ этомъ дежурному генералу Дибичу, котораго застанете вѣроятно во дворцѣ, сказалъ мнѣ графъ Орловъ.

Пріѣхавъ во дворецъ, я велѣлъ доложить о себѣ барону Дибичу, но когда камердинеръ вошелъ въ кабинетъ Государя и назвалъ мою фамилію, Государь приказалъ позвать меня въ кабинетъ. Когда я вошелъ и сдѣлалъ свой низкій поклонъ государю, затѣмъ Дибичу, Государь приказалъ мнѣ рапортовать обо всемъ барону Дибичу. Когда я доложилъ о числѣ погибшихъ лошадей, Государь сказалъ:

— Передай графу, что потеря лошадей поправима, но чтобы онъ обратилъ все свое вниманіе на тѣхъ несчастныхъ людей, которые жили въ подвалахъ, вотъ они сильно пострадали и имъ надо помочь.

Эти слова замѣчательны въ устахъ монарха и служатъ новымъ доказательствомъ безконечной доброты Государя.

Было уже около 5-ти часовъ, когда я вышелъ изъ дворца—воды уже почти не было на улицахъ. Передавъ графу Орлову слова Государя, я отправился домой и былъ весьма доволенъ

согрѣться чаемъ, послѣ того какъ три раза былъ промоченъ насквозь.

Во все время, что продолжалось наводненіе, Императоръ Александръ I сильно волновался и послалъ графа Бенкендорфа на шлюпкѣ на Неву, чтобы спасти сколько возможно людей, находящихся на баркахъ, унесенныхъ водою. Но буря была такъ сильна, и волны такъ бушевали, что графъ самъ рисковалъ жизнью и вернулся, не успѣвъ ничего сдѣлать. Это страшное наводненіе произвело сильное впечатлѣніе на Государя, и расположеніе духа сдѣлалось у него съ тѣхъ поръ мрачнымъ. Онъ говорилъ, что это предсказываетъ ему конецъ и что онъ недолго проживетъ.

Въ годъ его рожденія въ 1777 г. также было въ Петербургѣ наводненіе, но вода не достигла тогда той высоты, какъ въ 1824 году. Въ низкихъ мѣстахъ, какъ въ Коломнѣ и даже у Поцѣлуева моста, вода стояла на сажень и даже на 4 аршина.

Денежныя пособія, розданныя Государемъ бѣднѣйшимъ и сильно пострадавшимъ жителямъ, были весьма значительны, и онъ на своихъ прогулкахъ нерѣдко лично провѣрялъ, вѣрно ли была роздана его помощь.

На другой день послѣ наводненія, сдавъ дежурство по полку, я отправился на своихъ дрожкахъ съ Григоріемъ Максимовичемъ Ребиндеромъ, который жилъ у меня, осматривать городъ и особенно Васильевскій островъ и Галерную гавань. Тутъ мы насмотрѣлись на чудеса, которыя натворила вода! Около церкви въ Галерной гавани лежали три большіе корабля, вѣроятно купеческіе; одинъ корабль былъ трехмачтовый; много разрушенныхъ домовъ, въ иныхъ торчали печи, а на печахъ трупы людей, спасавшихся на нихъ отъ воды, но такъ какъ вода залила дома эти совсѣмъ съ крышами, они погибли. Зрѣлище это было такъ ужасно, что мы поспѣшили домой.

Но 10 ноября мы опять отправились осматривать слѣды наводненія и поѣхали черезъ Екатерингофъ въ деревню Емельяновку, а назадъ по Петергофской дорогѣ и Калинкинъ мостъ; вездѣ слѣды наводненія и противъ дома нашего католическаго митрополита Сестренцевича-Богуша мы увидѣли большой двухмачтовый корабль. (На Казанской тамъ, гдѣ теперь католическій костелъ).

Вездѣ разрушеніе; много фундаментовъ размыто. Строевой лѣсъ съ доковъ адмиралтейства и Кронштадта былъ занесенъ водою въ самый центръ города; другія бревна уплыли въ Сестрорѣцкъ, и мнѣ довелось нѣсколько лѣтъ спустя видѣть боль-

шіе дома, выстроенные изъ этого лѣса—дубовый мачтовый лѣсъ, носящій на себѣ клеймо ластоваго гвардейскаго экипажа.

Я хорошо помню, что Сестрбрѣцкія власти публиковали въ газетахъ о занесенномъ лѣсѣ и вызывали владѣльцевъ явиться за нимъ; но такъ какъ это былъ лѣсъ казенный, никто не явился, и жители Сестрорѣцка воспользовались имъ безнаказанно.

На послѣднемъ парадѣ (майскій парадъ), на которомъ присутствовалъ Императоръ Александръ I, я былъ во фронтѣ, командуя 2-мъ эскадрономъ, и въ этотъ день я былъ произведенъ въ полковники.

Вскорѣ послѣ этого Государь уѣхалъ въ Таганрогъ. Передъ отъѣздомъ онъ посѣтилъ Невскій монастырь, гдѣ долго бесѣдовалъ съ митрополитомъ и прислалъ въ тотъ же день въ монастырь такое количество воску, что митрополитъ удивился и сказалъ: „это какъ будто на похороны Государь прислалъ".

Уѣзжая изъ Петербурга въ Царское Село, отъѣхавъ нѣсколько верстъ, Государь приказалъ остановиться, всталъ въ коляскѣ и долго смотрѣлъ на Петербургъ, затѣмъ сѣлъ и поѣхалъ. Кучеръ его Илья сказалъ мнѣ потомъ: „онъ какъ будто прощался съ городомъ и крестился".

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ Государемъ въ Царскомъ Селѣ, которое онъ очень любилъ, онъ уѣхалъ. Извѣстія получались о немъ все хорошія, и Петербургъ въ зиму 1825 года веселился. Балы слѣдовали за балами, и 24 ноября въ Екатерининъ день былъ большой балъ у генерала Алексѣя Николаевича Авдулина, въ честь его жены именинницы.

На этомъ балѣ между прочимъ была Екатерина Нащекина, рожд. Олединская и Екатерина Альбрехтъ (впослѣдствіи моя жена). Я, какъ молодой полковникъ и любитель танцевъ, много танцовалъ въ этотъ вечеръ особенно съ этими двумя дамами—не чуяло мое сердце, что это послѣдній балъ, гдѣ я могъ считаться хорошимъ кавалеромъ.

Сообщила **Э. О. Лишина.**

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

# Записки барона Веліо [1]).

27 ноября пришла роковая вѣсть о смерти Государя!—бюллетеней почти не было, и никто не ожидалъ этого удара. Не помогло ему его крѣпкое сложеніе, и къ нашему великому горю его не стало.

Можетъ быть, для него было лучше, ибо, несмотря на его безграничную доброту къ людямъ, онъ уже зналъ, что у него есть враги тайные и что есть люди, задумавшіе что-то противъ него лично и всего цар. дома. Казалось бы, для него и жизни не жалко, а между тѣмъ готовились тайныя козни. На другой день послѣ полученія этого извѣстія мы присягали Государю Константину Павловичу. Великодушное отреченіе Николая Павловича могло обойтись дорого его народу, если бы не спасло дѣло его мужество. Вскорѣ послѣ присяги Константину Павловичу, стали ходить смутные слухи по С.-Петербургу—говорили о томъ, что есть бумага, въ которой Вел. Кн. Константинъ отрекается отъ престола—тогда зачѣмъ было насъ приводить къ присягѣ?—С.-Петербургъ былъ въ броженіи, а въ добавокъ никогда не было столько кражъ и убійствъ въ столицѣ, какъ тогда. Это смутное время прекрасно описано въ сочиненіи барона М. Корфа „Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го“. 13 декабря 1825 года въ вечернемъ приказѣ было сказано, чтобы мы собрались въ манежѣ, весь полкъ въ походной формѣ къ 4 час. утра. Такъ какъ я былъ дежурнымъ по полку на 13-ое число, то мнѣ пришлось стоять у входа въ манежъ въ ожиданіи графа Орлова, когда полкъ уже былъ собранъ въ ма-

[1]) См. „Русская Стар.“, ноябрь 1913 г.

нежѣ. Когда графъ меня увидалъ и я подошелъ къ нему съ рапортомъ, онъ сказалъ.

„Что ты все въ важныхъ случаяхъ дежуришь!“

Онъ поздоровался съ полкомъ и тутъ же приказалъ священнику читать манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора Николая Павловича и объ отреченіи отъ престола Вел. Кн. Константина Павловича. Священникъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ читать громко. Тогда графъ самъ взялъ манифестъ и прочелъ намъ его своимъ громкимъ голосомъ. Старшіе офицера держали одной рукой штандарты, а другая была поднята для присяги; весь полкъ повторялъ слово въ слово слова присяги. При полной тишинѣ это была торжественная минута. Этотъ полкъ, шефомъ котораго считался Вел. Кн. Константинъ Павловичъ, показалъ примѣръ дисциплины и послушанія, благодаря прекрасному духу полка и тому, что эскадронные командиры были все старые офицеры. Мы потомъ узнали, что насъ такъ рано привели къ присягѣ, чтобы мы послужили примѣромъ, такъ какъ полкъ Е. В. Константина Павловича безпрекословно подчинился присягѣ. Нѣсколько часовъ спустя, когда я собирался одѣваться въ полную форму, чтобы идти на молебенъ во дворецъ и быть на выходѣ—къ намъ прибѣжалъ казначей Цинскій въ казармы, передавая приказаніе графа сѣдлать весь полкъ и выступать, такъ какъ Московскій полкъ возмутился и находится на Адмиралтейской площади въ полномъ броженіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ получено было извѣстіе о кончинѣ моего благодѣтеля Александра I, я былъ печаленъ и не зналъ, что предпринять. Не имѣя средствъ и потерявъ своего высокаго покровителя, я чувствовалъ себя осиротѣвшимъ и подумывалъ о переходѣ въ гражданское вѣдомство; но такъ какъ было бы не ловко гвардейскому полковнику выходить изъ полка такъ скоро послѣ вступленія на престолъ Императора Николая, то я и отложилъ эти планы до сентября мѣсяца, единственное время года для подачи подобныхъ прошеній. Другая причина, почему мнѣ хотѣлось перейдти въ гражданское вѣдомство, это та, что Вел. Кн. Николай Павловичъ не пользовался расположеніемъ гвардіи.

Удрученный горемъ и заботами, я по своему обыкновенію рано утромъ 13-го (это было воскресенье) пошелъ въ католическую церковь Св. Екатерины на Невскомъ и въ этотъ день молился усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Возвращаясь изъ церкви въ дрожкахъ, я встрѣтилъ Вел. Кн. Николая Павловича и едва

успѣлъ откинуть съ лѣваго плеча шинель и передвинуть шляпу по формѣ, какъ уже Вел. Кн. милостиво мнѣ поклонился и кромѣ того обернулся и любезно сдѣлалъ рукою знакъ привѣтствія. Но я и тутъ подумалъ про себя—„больше году служить не останусь въ гвардіи, если и будете Государемъ"; тогда уже посились слухи объ отреченіи Вел. Кн. Константина Павловича.

Возвращаюсь къ своему послѣдовательному разсказу. И такъ, 14-го утромъ послѣ присяги намъ было приказано сѣдлать и выступать. Тутъ я понялъ, что готовится что-то серьезное, и позвавъ своего вахмистра, приказалъ ему собрать всѣхъ старыхъ солдатъ, даже и тѣхъ, что находились въ числѣ портныхъ и сапожниковъ, и поставить ихъ во фронтъ. Мой денщикъ хотѣлъ мнѣ дать второй мундиръ, который я надѣвалъ на ученье. Но я предвидѣлъ, что готовится бунтъ, судя по тому направленію, которое съ нѣкоторыхъ поръ господствовало во флотѣ и гвардіи, а мнѣ лично только и хотѣлось умереть за царя и отечество и отдать свою жизнь за благодѣянія обожаемаго мною Александра I-го. Поэтому я сказалъ денщику: „давай все новое, и болѣе чистое—умирать, такъ въ новомъ и чистомъ, въ бою". Выходя изъ квартиры, я простился съ своей прислугой и просилъ ихъ никуда не отлучаться, а въ случаѣ, если я не вернусь, обратиться къ моему пріятелю г-ну Шамо, который былъ тогда agent de change de la cour и придворнымъ куртье—онъ приведетъ всѣ мои дѣла въ порядокъ, въ случаѣ моей смерти. Затѣмъ я пошелъ въ свой эскадронъ и приказалъ людямъ садиться. Въ эту минуту одинъ изъ ефрейторовъ, съ которымъ я выѣзжалъ молодыхъ лошадей, спросилъ меня, какую ему взять лошадь. Это былъ славный молодой солдатъ по фамиліи Хватовъ изъ Курской губерніи. Я велѣлъ ему взять молодого вороного жеребчика, котораго я самъ выѣзжалъ.

— Возьми моего жеребчика, онъ тебя и въ бѣдѣ вывезетъ, сказалъ я ему.

Мой эскадронъ былъ готовъ, и весь полкъ скоро выстроился. Въ моментъ нашего выступленія изъ казармъ, мы увидали графа Милорадовича (тогдашняго военнаго губернатора) въ полной формѣ и всего въ крови! его вели двое какихъ-то людей и отвели его въ наши казармы въ квартиру Игнатьева. Этотъ храбрый воинъ, участвовавшій въ 84 сраженіяхъ, былъ теперь раненъ бунтовщиками, двумя выстрѣлами и ударомъ штыка въ спину.

Я обратилъ вниманіе моихъ солдатъ на этого несчастнаго графа Милорадовича и сказалъ имъ:

— Вотъ, что значитъ, когда солдатъ не довѣряетъ своему начальнику, а вы, ребята, мнѣ вѣрите и пойдете за мной?

— Куда угодно ведите, мы васъ не оставимъ, отвѣтили они мнѣ единогласно.

Полкъ двигался по Малой Почтамской, тамъ, гдѣ нынѣ Почтамская церковь, затѣмъ мы прошли Большую Морскую, перешли Исаакіевскую площадь, прошли по Вознесенской до Адмиралтейской площади.

Здѣсь графъ Орловъ выстроилъ насъ сомкнутой колонной поэскадронно, такъ что первый эскадронъ былъ впереди. Прочіе эскадроны примыкали къ угловому дому Адмиралтейской и Вознесенской, улица же между домомъ Военнаго Министерства и нашимъ полкомъ была свободна (Въ сочиненіи бар. М. Корфъ положеніе полка указано невѣрно).

Вскорѣ послѣ того, какъ полкъ выстроился, мы увидали Государя ѣхавшимъ верхомъ изъ дворца. Подъѣхавъ къ намъ, онъ поздоровался обычнымъ: „Здорово, ребята!“ на что весь полкъ грянулъ единодушно: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“

Тогда Государь подъѣхалъ къ намъ ближе и именно къ правому флангу и спросилъ:

— Признаете ли вы меня за Вашего Царя или нѣтъ?“

Крики ура были отвѣтомъ Государю, и крики эти вылетали не только изъ устъ солдатъ, но и офицеровъ и доказали ему, что полкъ нашъ вполнѣ надеженъ.

Деревянный заборъ около строющагося Исаакіевскаго собора выступалъ впередъ у дома Военнаго Министерства, и шайка революціонеровъ, покинувъ свою прежнюю позицію передъ Сенатомъ, скучилась передъ этимъ заборомъ и образовала карре, фронтъ коего обращенъ былъ къ памятнику Петра I, лѣвая сторона карре была обращена къ дому, гдѣ нынѣ Синодъ, тогда Кусовникова. Правый флангъ мятежниковъ былъ обращенъ къ Адмиралтейской площади. Заборъ служилъ имъ опорой съ четвертой стороны. Карре это состояло изъ гренадеръ, моряковъ, Московскаго полка и въ центрѣ были зачинщики и нѣсколько офицеровъ. Государь остановился около нашего праваго эскадрона и долго говорилъ съ нѣкіимъ Якубовичемъ, раненымъ на Кавказѣ, офицеромъ. Государь послалъ его къ мятежникамъ, но такъ какъ Якубовичъ принадлежалъ къ числу ихъ, то изъ этихъ переговоровъ толку не выходило. Этотъ человѣкъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, произвелъ на меня ужасное впечатлѣніе, и видя его столь близко отъ

Государя, невольно становилось страшно за него. У меня рука чесалась разбить ему черепъ, такъ онъ мнѣ казался опасенъ для нашего монарха. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ былъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ царя и намѣревался его убить, но тутъ у него не хватило духа это сдѣлать. Когда Государь къ нему приблизился, онъ не былъ въ состояніи исполнить того, что обѣщалъ своимъ товарищамъ.

Первому дивизіону нашего полка было скомандовано повернуть по Вознесенскому и идти къ Синему мосту, вдоль дома Мятлева къ манежу, откуда намъ надо было выстроиться передъ Синодомъ. Чтобы выполнить этотъ маневръ, намъ скомандовали: „Первый дивизіонъ по три налѣво заѣзжай! шагомъ маршъ!“—По всѣмъ правиламъ послѣ движенія лѣваго фланга второй эскадронъ долженъ бы былъ своимъ лѣвымъ флангомъ начать движеніе; но флигель-адъютантъ полковникъ Вл. Степ. Апраксинъ, командиръ перваго дивизіона, двинулъ впередъ свой первый эскадронъ, а я послѣдовалъ за нимъ съ своимъ вторымъ эскадрономъ.

Подойдя къ нашему манежу, Апраксинъ остановился. Я подъѣхалъ къ нему спросить, въ чемъ дѣло. Онъ указалъ мнѣ на шайку мятежниковъ, скрывавшихся за заборомъ и вооруженныхъ палками съ гвоздями, ружьями, и ножами, и затѣмъ мы увидали, что весь лѣвый флангъ мятежниковъ цѣлится въ насъ. Тогда я посовѣтовалъ Апраксину скомандовать своему и моему эскадронамъ галопомъ проскакать межъ нихъ—что онъ и исполнилъ, но въ моментъ нашего натиска насъ осыпали градомъ пуль изъ этого карре.—Большая часть выстрѣловъ ударилась о наши кирасы, не причинивъ намъ вреда.

Мы проскакали мимо мятежниковъ, и первый эскадронъ выстроился около монумента Петра I, при чемъ выдвинулись лѣвые фланги взводовъ.—Я съ своимъ эскадрономъ сдѣлалъ то же движеніе, и потому фронтовой дивизіонъ получилъ такое перемѣщеніе: лѣвый флангъ его, т. е. второй эскадронъ, очутился на его правомъ флангѣ, ибо лѣвый флангъ второго эскадрона сомкнулся съ правымъ флангомъ перваго эскадрона. Зачѣмъ мой дивизіонеръ сдѣлалъ это движеніе, не знаю, вѣроятно безсознательно, хотя онъ былъ очень хорошій человѣкъ и прекрасный офицеръ и нисколько не растерялся—но только, благодаря этой ошибкѣ въ построеніи дивизіона, моя участь совершенно измѣнилась.—Какъ только мой эскадронъ выстроился, я увидалъ, что нахожусь передъ лѣвымъ флангомъ мятежниковъ, и только-что успѣлъ я выровнять свой эскадронъ и встать по срединѣ своего фронта, какъ пули засвистѣли

около меня. Мысли мои были заняты тѣмъ, что, сознавая важность этой минуты, я былъ готовъ на все и рѣшился доказать свою преданность какъ покойному благодѣтелю своему, такъ святость присяги новому царю. Но свистъ пуль, направленныхъ исключительно на меня, былъ такъ силенъ, что двое солдатъ, стоявшихъ за мной, получили раны—одинъ по фамиліи Найденовъ былъ легко раненъ, а другой Хватовъ былъ раненъ въ плечо, и ему отняли руку.—Одинъ унтеръ-офицеръ, стоявшій за мной Пузыренко въ срединѣ эскадрона, сказалъ своимъ товарищамъ: „Они какъ будто злы на нашего полковника". Когда я увидѣлъ, что 4 и 5 эскадроны, стоящіе около дома Воен. Министерства, перешли въ наступленіе, я хотѣлъ своему скомандовать то-же [1]) и поднялъ правую руку съ палашемъ—но въ ту же минуту пуля ударилась въ мой локоть и проскочила черезъ него. Рука съ палашемъ опустилась—я почувствовалъ въ ней боль, какъ бы ударъ палкой и не могъ больше поднять руку.—Тогда я поддержалъ свою раненую руку лѣвой рукой и передалъ команду ротмистру Каульбарсу. Я проѣхалъ черезъ ряды своихъ солдатъ и самъ не знаю, почему направился не въ казармы, а мимо Сената по Англійской набережной. У воротъ дома Лаваль были люди, которые предлагали мнѣ заѣхать туда, но я все продолжалъ свой путь до дома Блессигъ.

Тамъ дверь была заперта и заставлена, но хозяйка, увидавъ изъ окна раненаго офицера, приказала скорѣе отворить.

Тутъ только я замѣтилъ, что за мной слѣдомъ пріѣхали унт.-оф. Карташевъ и рядовой Мирошенко, который ходилъ за моими лошадьми, и еще тутъ же былъ и Хватовъ; я спросилъ у Хватова, молодцомъ сидящаго на моемъ жеребчикѣ:

— Куда ты?

— Я раненъ, отвѣтилъ онъ.

— Да гдѣ? ничего не видно.

— У меня пуля въ лѣвомъ плечѣ.

И несмотря на это онъ держалъ поводья этой рукой. Тогда я сказалъ ему.

— Поѣзжай полегоньку въ казармы, сдай свою лошадь, а самъ ступай въ лазаретъ.

Унт.-оф. Карташевъ, увидавъ меня раненымъ, поѣхалъ за мной, чтобы помочь мнѣ въ случаѣ надобности.—Онъ слѣзъ съ лошади, чтобы помочь и мнѣ сойти съ лошади, и когда

[1]) Тѣми эскадронами командовалъ полков. Куликовскій, другими полк. Донецъ-Захаржевскій.

мы увидѣли, что изъ дома Блессига вышли люди меня встрѣтить, я уперся лѣвой рукой въ сѣдло и перекинулъ правую ногу черезъ лошадь, но надо было перекинуть и правую руку, въ которой былъ зажатъ палашъ—это было трудно, но, благодаря своему крѣпкому сложенію, я не потерялъ сознаніе и когда сталъ на землю, разжалъ лѣвой рукой омертвѣлые пальцы правой, и палашъ выпалъ изъ нихъ на землю, тогда я поддержалъ правую руку на вѣсу и вошелъ въ домъ Блессига. Добрѣйшій старикъ Филиппъ Ивановичъ принялъ меня радушно и отвелъ мнѣ комнату одного изъ своихъ сыновей. Молодые люди тотчасъ отправились за докторомъ Габерзангомъ, котораго я просилъ привезти. Вскорѣ онъ пріѣхалъ и, осмотрѣвъ руку, сталъ меня утѣшать, говоря, что, *можетъ быть*, не придется отнимать руку! Но я этому не повѣрилъ и былъ готовъ ко всему, только бы онъ, а не другой произвелъ операцію.

Онъ сдѣлалъ мнѣ первую перевязку въ 4 ч. пополудни; раненъ я былъ около 3-хъ час. пополудни. Крагу и колетъ пришлось разрѣзать, ибо пальцы были страшно распухши, и руку мою подвѣсили шарфомъ черезъ плечо; докторъ уѣхалъ, обѣщаясь скоро вернуться. Отдохнувъ немного, я почувствовалъ страшныя боли, но сознаніе не терялось и я все спрашивалъ, что дѣлается на площади. Меня успокоило извѣстіе, что наконецъ была пущена картечь, которая и разсѣяла мятежниковъ.

Въ продолженіе этого дня, Государь Николай I прислалъ лейбъ-медика Крейтона узнать о моемъ здоровьѣ, и изъявилъ врачамъ свое желаніе, чтобы всѣ мѣры были приняты къ тому, чтобы сохранить мнѣ руку. Но когда въ 11 ч. вечера докторъ Габерзангъ пріѣхалъ съ своимъ ассистентомъ, младшимъ полковымъ врачемъ Якубовскимъ, они нашли, что антоновъ огонь уже обнаружился въ пальцахъ (гангрена), три кости въ локотномъ суставѣ были совершенно раздроблены, и такъ какъ пуля прошла очень короткое разстояніе, то они предполагали, что кость выше локтя тоже повреждена, что и оказалось. Несмотря на всю готовность Габерзанга раньше побывать у меня, онъ этого сдѣлать не могъ, потому что ухаживалъ за несчастнымъ ген. Милорадовичемъ, который въ тотъ же день умеръ на его рукахъ. Наконецъ насталъ рѣшительный моментъ ампутаціи! Я былъ такъ бодръ духомъ, что хотѣлъ видѣть, что будутъ дѣлать съ моей рукой, но, замѣтивъ это, доктора попросили присутствующихъ держать мою голову въ другую сторону. Операція происходила при свѣчахъ и продолжалась 17 минутъ.

Кровоизліяніе было сильное и продолжалось съ 3 ч. до 11 вечера—моментъ операціи. Во время операціи не терялъ сознанія, но страдалъ ужасно. Послѣ операціи меня уложили въ постель, и я заснулъ.

На другое утро проснувшись и увидавъ забинтованный остатокъ своей руки, я признаюсь, расплакался—не то мнѣ жаль было своей правой руки, не то жаль было такимъ молодымъ остаться калѣкой, не то жаль было разрушенной такъ печально карьеры. Я сознавалъ, что жертва принесена мною за правое дѣло и за царя Николая I, но все-таки тяжело было на сердцѣ. Роковой день 14 дек. 1825 г. былъ понедѣльникъ; вторникъ и среду чувствовалъ себя относительно хорошо.

Вся царствующая семья выказывала мнѣ участіе и вниманіе, но особенно Государь интересовался мною и два раза въ день лейбъ-медикъ Крейтонъ пріѣзжалъ отъ его имени справляться о моемъ здоровьи. Онъ же подписывалъ бюллетень два раза въ день и бюллетень этотъ былъ доставляемъ во дворецъ. Кромѣ того, врачи: Уейли (или Вилліе), Арндъ, Гейротъ, Бутковъ и еще одинъ, имя котораго не помню, заходили ко мнѣ справляться о здоровьѣ. Въ среду, утромъ 16 дек., господа эти собрались у меня и, посовѣтовавшись между собой, рѣшили, что мнѣ надо дать слабительное; но Габерзангъ не соглашался съ ними, опасаясь, какъ бы это слабительное (александрійскій листъ) не вызвало рвоты. Но они настаивали на своемъ, а такъ какъ Габерзангъ былъ моложе ихъ чиномъ, онъ долженъ былъ уступить. Въ продолженіе среды мнѣ дали нѣсколько пріемовъ этого лѣкарства, которое произвело свое дѣйствіе, и часть ночи я спалъ хорошо.

Но въ четвергъ въ 3 ч. утра я проснулся и почувствовалъ приступы рвоты, а затѣмъ мнѣ показалось, что изъ моей отрѣзанной руки сочится кровь. Я разбудилъ доктора Якубовскаго, который спалъ въ моей комнатѣ.

— Федоръ Іосифовичъ, сказалъ я ему, мнѣ кажется, изъ руки сочится кровь.

Онъ тотчасъ всталъ, осмотрѣлъ обрубокъ, не снимая перевязки, и успокоивалъ меня, говоря, что ничего нѣтъ важнаго и совѣтовалъ заснуть—а самъ сѣлъ къ столу и написалъ записку, которую тотчасъ же отправилъ.

Около 10 ч. утра пріѣхалъ Габерзангъ и съ нимъ весь синклитъ врачей.

Когда я увидалъ это нашествіе, то сразу подумалъ, что совершается что-то недоброе. Они велѣли мнѣ встать, усадили

меня въ большое кресло и сняли перевязку. Тогда они увидали, что одна изъ жилъ порвалась и изъ нея шла кровь. Всю рану пришлось вымыть, удалить засохшую кровь, и артеріи надо было перевязать съизнова. Сначала я слѣдилъ за ихъ дѣйствіями, но, обезсиленный потерью крови въ понедѣльникъ, я скоро потерялъ сознаніе, и когда они кончили свою работу, я все еще былъ въ обморокѣ.

Меня уложили въ постель, и съ этой минуты до пятницы утра я былъ въ забытьѣ, почти безъ признаковъ жизни. Мой бѣдный другъ, Габерзангъ, былъ въ отчаяніи, и онъ и многіе думали, что я уже не встану. Въ пятницу около полудня солнце освѣтило мою комнату, и я слышалъ какъ будто сквозь сонъ пѣніе канареекъ въ другой комнатѣ, и сталъ приходить въ сознаніе. Первое лицо, которое я увидѣлъ, былъ добрѣйшій старикъ Блессигъ, который все время, пока продолжалось мое безсознательное состояніе, не отходилъ отъ моей постели. Онъ посовѣтовалъ мнѣ полное спокойствіе, и по немногу моя крѣпкая натура взяла верхъ и я сталъ оживать. Если Господь помогъ мнѣ перенести эти двѣ страшныя операціи, изъ коихъ вторая была опаснѣе первой, то я этимъ обязанъ уходу и вниманію, можно сказать, отеческаго ко мнѣ старика Блессига и его семьи. Когда я раненый былъ принятъ въ ихъ домъ, старикъ страдалъ подагрой и едва ходилъ; волненіе и участіе его ко мнѣ и тревога этого дня совсѣмъ излѣчили его—онъ былъ все на ногахъ—то въ моей комнатѣ, то въ гостиной принималъ посѣтителей, пріѣзжавшихъ справляться обо мнѣ; онъ же и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ко мнѣ никто не могъ прійдти, дорожа моимъ спокойствіемъ.

Когда я былъ ребенкомъ, наша семья и семья Блессиговъ были знакомы. Впослѣдствіи я у нихъ не бывалъ, хотя сынъ его Гильомъ былъ со мной въ Петропавловской школѣ. Нынѣ онъ глава фирмы Блессига и пользуется большимъ уваженіемъ какъ на биржѣ, такъ и въ частной жизни. Да благословитъ Господь эту семью до младшихъ ея членовъ включительно!

Не могу себѣ объяснить, почему именно я направился по Англійской набережной:—было бы проще ѣхать въ казармы—но это меня Богъ спасъ, ибо если бы я поѣхалъ вдоль манежа къ казармамъ, я бы попалъ въ руки всего гвардейскаго экипажа, вполнѣ взбунтовавшагося и шедшаго въ безпорядкѣ къ Исаакіевской площади, чтобы присоединиться къ прочимъ мятежникамъ. Офицеры и рядовые моряки были сильно возбуждены и навѣрно убили бы меня и моихъ спутниковъ.

Здоровье мое потихоньку поправлялось: 15-го декабря меня назначили флигель-адъютантомъ, но я только тогда узналъ объ этомъ, когда сталъ поправляться. Назначеніе это было мнѣ очень пріятно, и я высоко цѣнилъ эту милость ко мнѣ Государя. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей также были назначены флигель-адъютантами, но кромѣ того получили Анну на шею. Графъ Орловъ меня къ этой наградѣ не представилъ, а представилъ вмѣсто меня командира 7-го эскадрона Цинскаго, который находился преспокойно въ казармахъ въ то время, когда я былъ раненъ. Несмотря на то, что мои товарищи указывали графу на эту явную несправедливость, онъ не измѣнилъ своего рѣшенія, хотя по всѣмъ правиламъ Анну на шею слѣдовало мнѣ получить. Думаю, что гр. Орловъ предполагалъ, что я не встану послѣ ампутаціи, а такъ какъ Цинскій былъ давно квартермистромъ, слѣдовательно, нужное графу лицо, то онъ его и помѣстилъ въ списокъ вмѣсто меня. Эта несправедливость графа ко мнѣ имѣла важныя послѣдствія для моей дальнѣйшей карьеры.

Кавалергардскій полкъ прибылъ на площадь послѣ насъ и стоялъ около Адмиралтейскаго бульвара, и во все время, пока продолжалось дѣло съ мятежниками въ дѣлѣ не, былъ—и все-таки два полковника этого полка Ланской и Пестель были сдѣланы флигель-адъютантами и получили Анну на шею, также какъ полковники конной гвардіи, которые тоже получили Анну и были сдѣланы флигель-адъютантами—фамиліи ихъ: Николай Голицынъ, Донецъ-Захаржевскій и Куликовскій.

Гр. Орловъ по двумъ причинамъ замѣнилъ мою фамилію въ наградномъ спискѣ имъ представленнымъ фамиліей Цинскаго. Первая та, о которой я упомянулъ выше, что Цинскій былъ ему нуженъ; вторая та, что онъ меня не долюбливалъ. Онъ говорилъ, что у меня неуживчивый нравъ — въ чемъ отчасти онъ былъ правъ, ибо я былъ вспыльчивъ и горячъ; но всѣ мои товарищи отдавали мнѣ справедливость, что я хорошій офицеръ и добрый товарищъ; во всякомъ случаѣ это не оправдываетъ несправедливости его поступка со мной—награда эта принадлежала мнѣ по праву.

Всѣ мои друзья старались меня утѣшить, но я чувствовалъ себя обиженнымъ. Нѣсколько дней спустя, когда я уже могъ ходить по комнатамъ, графъ Орловъ посѣтилъ меня, и отъ имени Государя предложилъ мнѣ остаться въ полку. Тонъ его былъ однако такъ сухъ и нелюбезенъ, что я отклонилъ это предложеніе, что, кажется, было ему очень пріятно. Онъ доло-

жилъ мой отвѣтъ Государю, и мой эскадронъ получилъ Цинскій... Меня же Государь сдѣлалъ плацъ-маіоромъ г. Царскаго Села,—должность, нарочно для меня созданную. Понемногу я поправлялся, но докторъ Арендтъ утверждалъ, что осколки костей еще должны выйдти изъ руки.

Докторъ Габерзангъ съ нимъ не соглашался и утверждалъ, что черезъ 6 недѣль послѣ полученія раны и ампутаціи я буду въ состояніи танцовать. И я дѣйствительно черезъ шесть недѣль въ халатѣ протанцовалъ экосезъ, чтобы Габерзангъ могъ выиграть пари, которое онъ держалъ съ Арндтомъ, и доставилъ ему большое удовольствіе—именно тѣмъ, что онъ былъ правъ, а не его начальникъ. Я уже хотѣлъ перебраться въ свою квартиру въ казармы; но добрый Блессигъ не допустилъ этого, говоря, что онъ только тогда позволитъ мнѣ переѣхать отъ него, когда я представлюсь Государю. Моя мать и сестры жили тогда въ Царскомъ Селѣ и часто меня навѣщали. Первое свиданіе съ матерью произошло на другой день послѣ ампутаціи, и меня очень оно взволновало, а затѣмъ первые дни послѣ второй операціи я былъ такъ слабъ, что никого не могъ видѣть, почему онѣ въ то время рѣдко меня навѣщали. Потомъ, когда я сталъ поправляться, ихъ посѣщенія были для меня праздникомъ. Меня посѣщали всѣ мои знакомые, даже молодыя дамы. Сначала я принималъ всѣхъ въ своей комнатѣ, а потомъ въ гостиной Блессига, даже совсѣмъ незнакомые мнѣ люди останавливались у подъѣзда узнавать о моемъ здоровьи. Петербургъ выказывалъ мнѣ свое участіе.

Наконецъ, въ началѣ февраля я былъ въ состояніи представиться Государю. Я былъ принятъ Е. В. въ Его кабинетѣ во второмъ этажѣ Зимняго дворца. Государь обошелся со мной весьма милостиво, подробно освѣдомился о моемъ здоровьи, благодарилъ меня и снова уже самъ лично предложилъ мнѣ остаться въ полку.

Отказавшись уже разъ, мнѣ было неловко измѣнять своему слову, и, видя твердость моего рѣшенія, онъ больше не настаивалъ на этомъ.

Причины моего отказа слѣдующія:

1. Недоброжелательство ко мнѣ гр. Орлова, выказанное имъ мнѣ при его посѣщеніи съ предложеніемъ остаться въ полку.

2. Несправедливость графа при представленіи къ наградамъ, такъ какъ Анну на шею слѣдовало мнѣ, а не Цинскому.

3. Состояніе моего здоровья и отсутствіе руки внушали мнѣ опасенія, что я уже неспособенъ буду къ фронтовой службѣ.

4. Недостаточность средствъ также была одна изъ причинъ моего отказа.

5. Некому было дать мнѣ добрый совѣтъ въ такомъ исключительномъ случаѣ, когда Государь такъ былъ милостивъ, два раза предложить мнѣ остаться въ полку.

6. Скромное мнѣніе о себѣ заставляло меня сомнѣваться въ своей пригодности во фронтѣ, а вѣроятно именно моя репутація хорошаго офицера и внушила Государю желаніе, чтобы я остался во фронтѣ.

Такъ или иначе, но, *къ несчастью*, я отказался. Говорю къ несчастью потому, что нѣтъ сомнѣнія, что мой отказъ не понравился Государю. Можно мнѣ замѣтить, зачѣмъ я не высказалъ откровенно Государю главную причину своего отказа, а именно несправедливость ко мнѣ графа Орлова. На это я возражу, что подчиненному очень трудно жаловаться на своего начальника, а затѣмъ служить подъ его начальствомъ. Прекрасное поведеніе полка, во время бунта 14 декабря, надо отнести къ заслугамъ эскадронныхъ командировъ, старыхъ офицеровъ, а не къ заслугамъ графа Орлова, а между тѣмъ это дѣло возвысило его въ мнѣніи Государя очень замѣтно. Если бы я исполнилъ желаніе Государя, я вполнѣ увѣренъ, что, знавши мои средства, онъ не оставилъ бы меня безъ поддержки, тѣмъ болѣе, что я пожертвовалъ своей правой рукой изъ вѣрноподданныхъ къ Нему чувствъ—въ Его личномъ дѣлѣ.

Я все-таки въ душѣ былъ служака, и мнѣ жаль было оставлять фронтовую службу, тѣмъ болѣе, что при счастьѣ я могъ сдѣлать хорошую карьеру. Я такъ любилъ своихъ кирасиръ, что если бы на мою долю выпала честь ими командовать, я бы, конечно, не обиралъ ихъ, какъ другіе это дѣлали! Моя мечта всегда была когда-нибудь дожить до счастья командовать кирасирской дивизіей и доказать на дѣлѣ, что наши кирасиры могутъ превосходить столь хваленыхъ французскихъ кирасиръ. Что дѣлать, благодаря несправедливости гр. Орлова, мнѣ пришлось записаться въ инвалиды, занявъ постъ царскосельскаго плацъ-маіора. Послѣ представленія Государю, я отправился къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Она приняла меня съ трогательною добротою, на ея глазахъ я видѣлъ слезы, а мнѣ стоило большого труда, чтобы не дать ей замѣтить, какую перемѣну вижу въ ней! Роковой день 14 декабря измучилъ Ея Величество, а давно ли въ 1821 г. я видалъ ее сіяющую красотою и граціею на Гатчинскихъ вечерахъ! Теперь она была худа, блѣдна, голова у нея дрожала. Это нервное дрожаніе сдѣ-

лалось съ Государыней съ момента, когда она увидала Государя на площади въ такой страшной опасности, и оно никогда не прошло совершенно, хотя послѣ путешествія въ Палермо здоровье Императрицы сильно поправилось.

Императрица Марія Ѳеодоровна также очень милостиво меня приняла и приглашала къ себѣ въ Павловскъ въ качествѣ сосѣда.

Е. В. великій князь Михаилъ Павловичъ также выказалъ мнѣ много милостиваго вниманія; даже предложилъ мнѣ выписать для меня изъ Лондона искусственную руку, за что я выразилъ Е. В. свою глубокую благодарность, но объяснилъ ему, что отрубокъ, оставшійся отъ моей руки, слишкомъ коротокъ для искусственной руки. Е. В. съ этимъ согласился, но добавилъ, что, въ случаѣ какой-либо надобности, я могу смѣло обращаться къ нему и разсчитывать на него. Государь, когда я представлялся ему, также изволилъ сказать мнѣ слѣдующія слова:

„Въ случаѣ какой-либо тебѣ надобности, адресуйся прямо ко мнѣ, слышишь“!

Какая разница между всѣми этими милостивыми пріемами и благосклоннымъ вниманіемъ столь высокопоставленныхъ особъ съ тѣми пріемами, которые я испыталъ у своихъ начальниковъ и у другихъ важныхъ лицъ!

Окончивъ всѣ свои представленія, я перебрался въ Царское Село, гдѣ мнѣ отведена была квартира въ помѣщеніи, выходящемъ окнами на дворцовый дворъ. Квартира была хорошая и такъ какъ я прибылъ въ Царское Село въ концѣ марта и весна 1826 года была очень ранняя, то я вскорѣ сталъ наслаждаться чуднымъ воздухомъ Царскаго Села, который, послѣ того какъ я столько лѣтъ дышалъ весной конюшеннымъ запахомъ нашего казарменнаго двора, показался мнѣ еще превосходнѣе.

Начальникъ мой былъ комендантъ Царскаго Села генералъ-лейтенантъ Стессель, добрый и прямой человѣкъ, и все время моей службы въ качествѣ плацъ-маіора я могу только съ полной признательностью вспоминать о немъ.

Генералъ Захаржевскій тогда уже былъ директоромъ города Царскаго Села. Я ему представился. Пріемъ его былъ такой, какой можно было ожидать отъ человѣка вполнѣ необразованнаго; несмотря на это, желая сохранить мирныя отношенія, я все-таки бывалъ у него въ домѣ. Придирки и непріятности, которыя онъ постоянно дѣлалъ жителямъ, возстановляли всѣхъ противъ него. Какъ только царская фамилія покидала Царское

Село, онъ запиралъ всѣ ворота въ паркѣ и лишалъ жителей удовольствія кататься по парку—единственное удовольствіе въ этомъ скучномъ городѣ.

Вотъ уже 40 лѣтъ, что я знаю этого человѣка, и я убѣжденъ, что онъ виноватъ въ томъ, что Царское Село не сдѣлалось болѣе пріятнымъ мѣстожительствомъ, хотя это и была любимая резиденція Государя Александра I и въ первое время царствованія Николая I онъ также любилъ Царское Село; нынѣ царствующій Государь Александръ II также оказываетъ предпочтеніе Царскому Селу, но трудно уже исправить то, что было испорчено. Александръ I въ 1819 г., желая привлечь жителей въ Царское Село и Софію, приказалъ разбить городъ на квадраты и раздавать эти квадраты даромъ всѣмъ, кто пожелалъ строить здѣсь дачи. Цѣль Государя была изъ Царскаго Села сдѣлать здоровую и пріятную лѣтнюю резиденцію для жителей столицы. Въ виду поощренія, домовладѣльцы были освобождены отъ всякой повинности и сверхъ того Государь выдавалъ имъ заимообразно нѣкоторую сумму денегъ на постройку дачи.

Всѣ эти преимущества, казалось бы, клонились къ тому, чтобы изъ Царскаго Села сдѣлать пріятное и красивое лѣтнее пребываніе, но подъ ферулой придирчиваго и грубаго начальника города онъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, т. е. ни городъ, ни село.

Въ первое время много лицъ изъ высшаго общества пожелали воспользоваться участками для постройки дачъ, но когда они представляли свои планы къ утвержденію г-на директора города, онъ такъ придирался къ нимъ, что приходилось три и четыре раза представлять планы, пока наконецъ планъ приходился во вкусѣ г-на директора.

Понятно, что эти затрудненія отбивали у многихъ охоту строиться, и они свои мѣста перепродавали и уступали другимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто аристократіи мѣста эти поступали во владѣніе лавочниковъ, мѣщанъ и крестьянъ села Кузьмино и Пулкова, которымъ было очень выгодно строить дачи и пользоваться всѣми льготами.

Вотъ почему въ Софіи и Царскомъ Селѣ попадаются дома, мало похожіе на дачи, а скорѣе напоминающіе Сѣнную и Коломну. Мысль Государя Александра I была та, чтобы каждый домъ былъ окруженъ садомъ; это и было соблюдено въ первое время, но домовладѣльцы нашлись и такіе, которые, пользуясь льготами, пожелали какъ можно больше настроить домовъ для сдачи въ наемъ, и потому вмѣсто садовъ появились дома, и

люди, желающіе нанять дачу съ садомъ, находятся въ большомъ затрудненіи.

Служба моя была не затруднительна, гарнизонъ невеликъ, тогда желѣзная дорога еще не существовала. Парады или разводы происходили на площади передъ дворцомъ (Александровскій),—резиденція государя Николая Павловича. Разводомъ командовалъ я, какъ плацъ-маіоръ.

Въ день исполненія приговора надъ главными зачинщиками мятежа 14 декабря, Государь находился въ Царскомъ Селѣ и занималъ комнаты Императрицы Екатерины. Фельдъегери то и дѣло подъѣзжали ко дворцу. Государь ходилъ взадъ и впередъ по Китайской комнатѣ и никого не принималъ; изъ моихъ оконъ мнѣ видно было, какъ онъ ходилъ по комнатамъ...

Сообщила **Э. О. Лишина**.